

УДК 343.0

DOI: 10.34670/AR.2026.49.61.056

Хищение криптовалюты и цифровых финансовых активов: квалификация в свете новых разъяснений Пленума Верховного Суда РФ

Тедети Георгий Вячеславович

Бакалавр, студент магистратуры,
Московский государственный
юридический университет им. О.Е. Кутафина,
125993, Российская Федерация, Москва, ул. Садовая-Кудринская, 9;
e-mail: tedetigeorgy@gmail.com

Аннотация

Настоящая статья анализирует проблемы квалификации хищения цифровой валюты и цифровых финансовых активов в свете принятых в 2026 году законодательных изменений и разъяснений высшей судебной инстанции. В статье прослежена эволюция правоприменительной практики — от первого признания криптовалюты имуществом в деле о банкротстве 2018 года до включения цифровой валюты в состав имущества для целей статьи 104.1 УК РФ и последующего обновления Пленумом Верховного Суда РФ постановления о краже, грабеже и разбое. Материалом исследования послужили действующие редакции уголовного закона и постановлений Пленума Верховного Суда РФ, опубликованная судебная практика по делам о хищении криптовалюты, а также доктринальные работы по уголовно-правовой охране цифровых активов. Цифровая валюта как «иное имущество» разграничена с цифровыми финансовыми активами как имущественным правом, что предопределяет выбор применимых норм главы 21 УК РФ. Показано, что посягательство, которое начинается с завладения физическим носителем доступа к счёту цифровых финансовых активов и завершается переоформлением прав в информационной системе оператора, требует квалификации по совокупности. Отдельно рассмотрены квалификация сложносоставных деяний, соотношение хищения цифровых активов с преступлениями в сфере компьютерной информации и с легализацией преступных доходов, момент окончания хищения при дистанционном изъятии и определение размера ущерба в условиях волатильности курса криптовалют. Сделан вывод, что состоявшаяся реформа сняла вопрос об охраноспособности цифровых активов уголовным законом, однако решает проблему их квалификации лишь в первом приближении и требует дальнейших разъяснений высшей судебной инстанции, а также официальной методики оценки цифровой валюты для целей уголовного судопроизводства.

Для цитирования в научных исследованиях

Тедети Г.В. Хищение криптовалюты и цифровых финансовых активов: квалификация в свете новых разъяснений Пленума Верховного Суда РФ // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 7А. С. 541-550. DOI: 10.34670/AR.2026.49.61.056

Ключевые слова

Цифровая валюта, криптовалюта, цифровые финансовые активы, хищение, мошенничество, квалификация преступлений, статья 104.1 УК РФ.

Введение

Цифровизация экономических отношений тянет за собой цифровизацию преступности: чем шире криптовалюта и цифровые финансовые активы входят в повседневный оборот, тем чаще они становятся целью преступных посягательств. Аналитическая компания Chainalysis оценила общий объем криптовалюты, полученной преступным путем в мире в 2023 году, в 24,2 млрд долларов США, из которых на мошенничество пришлось 8,9 млрд, а на вымогательство – более 1 млрд [Illicit crypto addresses received at least \$24.2 billion in 2023, www.reuters.com]. В России счет тоже идет не на единицы: на конец 2023 года криптовалютой владели свыше 8,5 млн российских граждан [Cryptocurrency across the world, www.triple-a.io], а годовой (за 2021 г.) объем их операций с цифровыми активами Банк России оценивал в порядка 5 млрд долларов США [Криптовалюты: тренды, риски, меры, www.cbr.ru]. За прошедшие годы эти цифры, скорее всего, выросли.

Первое признание криптовалюты имуществом состоялось в России еще в 2018 году, когда Девятый арбитражный апелляционный суд включил криптовалюту должника (BTC – биткоины) в конкурсную массу, указав, что любое обладающее экономической ценностью для кредиторов имущество нельзя произвольно из нее исключить [Постановление Девятого ААС № 09АП-16416/2018, 2018]. В уголовном праве, однако, дело долго обстояло иначе, так законодатель не отвечал прямо на вопрос, является ли цифровая валюта предметом хищения, а практика складывалась разрозненно и противоречиво. Суды одного региона по похожим фактам вполне себе могли приходить к противоположным выводам, так в одном деле похищенную криптовалюту включили в объем хищения наряду с найденным у потерпевшего физическим носителем информации [Апелляционное определение Санкт-Петербургского городского суда № 22-2616/2022, 2022], в другом деле суд прямо указал, что криптовалюта не относится к объектам гражданских прав, поскольку не имеет статуса платежного средства в России, а значит не может быть предметом преступления [Приговор Петроградского районного суда г. Санкт-Петербурга по делу № 1-95/2020, 2020; Апелляционное определение Санкт-Петербургского городского суда № 22-5295/2020, 2020].

Ситуация изменилась в 2026 году, причем дважды за короткий срок. Федеральный закон от 20 февраля 2026 г. № 38-ФЗ дополнил примечание к статье 104.1 УК РФ пунктом 2: «цифровая валюта признается имуществом для целей этой статьи и других статей УК РФ»; норма вступила в силу 3 марта 2026 года [Уголовный кодекс РФ, 1996]. Менее чем через четыре месяца, 16 июня 2026 года, Пленум Верховного Суда РФ обновил постановление от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» и, в частности, добавил пункт 1(1). Опираясь на примечание к статье 158 УК РФ, пункт 2 примечания к статье 104.1 УК РФ и статью 128 ГК РФ, Пленум отнес к предмету кражи, грабежа, разбоя и иного хищения чужого имущества, помимо вещей и наличных денег, также безналичные денежные средства (включая цифровые рубли), бездокументарные ценные бумаги, цифровые права и цифровую валюту [Постановление Пленума ВС РФ № 29, 2002]. Спор о принципиальной допустимости уголовно-правовой охраны цифровых активов на этом можно было бы считать закрытым.

Большинство научных работ были опубликованы до принятия названных законодательных изменений и постановления Пленума либо же, в лучшем случае, еще во время обсуждения соответствующего законопроекта – их итоговое содержание большая часть авторов объективно не могли учесть, а состоявшиеся изменения решают проблему лишь в первом приближении: разъяснения Пленума называют предметом хищения «цифровую валюту» и «цифровые права», но не воспроизводят выработанное в доктрине разграничение цифровой валюты и цифровых финансовых активов, а вопросы оценки ущерба при волатильном курсе криптовалют и квалификации сложносоставных деяний остаются за рамками постановления. В этом и заключается научная новизна настоящего исследования, опираясь на актуальную редакцию закона и постановления Пленума, оно впервые системно осмысляет, какие из выявленных доктриной проблем квалификации хищения цифровых активов состоявшиеся изменения решили, а какие требуют дальнейшей проработки.

Материалы и методы исследования

Цель настоящей статьи – выработать предложения по единообразной квалификации хищений цифровой валюты и цифровых финансовых активов с учетом обновленного законодательства и судебной практики, для этого необходимо, во-первых, проследить, как складывалась правоприменительная практика до анализируемых изменений и в чем заключалось ее расхождение; во-вторых, разграничить цифровую валюту и цифровые финансовые активы как предметы хищения и определить, какие нормы главы 21 УК РФ применимы к каждому из них; в-третьих, рассмотреть проблемы квалификации сложносоставных посягательств на цифровые активы и предложить пути их решения.

Результаты и обсуждение

Практика, накопленная за годы правового вакуума, показывает, что без специальной нормы суды и следствие были вынуждены «подгонять» хищения цифровых активов под уже существующие составы главы 21 УК РФ, причем статью выбирали не столько по правовой природе предмета посягательства, сколько по внешней канве способа его совершения. Обманное завладение криптовалютой на P2P-площадках традиционно квалифицировали как мошенничество, так, одно лицо договорилось о покупке криптовалюты, заведомо не собираясь ее оплачивать, и отправило продавцу поддельное SMS-уведомление о зачислении средств, имитирующее сообщение сервиса «Мобильный банк» – так продавец безвозмездно передал криптовалюту [Приговор Октябрьского районного суда г. Тамбова по делу № 1-134/2019, 2019]. По статье 159 УК РФ квалифицировали и другие эпизоды обманного завладения криптовалютой [Приговор Сургутского городского суда по делу № 1-762/2017, 2017; Приговор Ленинского районного суда г. Чебоксары по делу № 1-58/2019, 2019; Приговор Кировского районного суда г. Казани по делу № 1-37/2019, 2019], а также вовлечение граждан в криптовалютные «финансовые пирамиды» [Приговор Кировского районного суда г. Омска по делу № 1-482/2020, 2020]. Иначе решался вопрос, когда цифровые активы находились в правомерном ведении виновного по его должности, так, по сообщениям СМИ, администратор одной из криптовалютных бирж ограничил пользователей доступ к их счетам и обратил вверенные бирже криптоактивы в свою пользу; на стадии предварительного расследования его привлекали по признакам присвоения или растраты, то есть по статье 160 УК РФ [Дело о хищении \$450 млн с

биржи WEX, www.rbc.ru].

Внутреннюю противоречивость такой практики нагляднее всего показывает пара решений Санкт-Петербургского городского суда, вынесенных с разницей чуть больше полутора лет. В 2020 году по делу о вымогательстве криптовалюты суд переквалифицировал действия виновных со статьи 163 на часть 3 статьи 161 УК РФ. При этом в особо крупный размер хищения он включил только переданные потерпевшим наличные – 5 млн рублей: криптовалюту на сумму около 55 млн рублей суд предметом преступления не признал, указав, что она «не является средством платежа на территории Российской Федерации» [Приговор Петроградского районного суда г. Санкт-Петербурга по делу № 1-95/2020, 2020; Апелляционное определение Санкт-Петербургского городского суда № 22-5295/2020, 2020]. Уже в мае 2022 года тот же суд по другому делу пришел к обратному выводу. Там виновные похитили у потерпевшего телефон с данными учетной записи криптобиржи и перевели криптовалюту на свои счета; суд без оговорок признал похищенную криптовалюту «иным имуществом» и включил ее стоимость в объем грабежа [Апелляционное определение Санкт-Петербургского городского суда № 22-2616/2022, 2022]. Отдельную сложность весь этот период создавали случаи хищения криптовалюты через взлом криптовалютных бирж. Такое посягательство сопряжено с неправомерным воздействием на компьютерную информацию, и доктрина предлагала квалифицировать его по статье 159.6 УК РФ, хотя убедительной отечественной практики по таким делам на момент подготовки статьи не сложилось, соответствующие эпизоды известны в основном по инцидентам на зарубежных площадках.

Устранить эту разнородность и была призвана реформа 2026 года. Обновленный пункт 1(1) постановления № 29 снимает вопрос о принципиальной применимости норм о краже, грабеже и разбое к цифровым активам, теперь цифровая валюта, цифровые права и цифровые рубли прямо названы предметом хищения, а значит, позиция, которую в 2020 году занял Санкт-Петербургский городской суд, больше не может считаться обоснованной. То же постановление уточнило момент окончания хищения безналичных средств при дистанционном изъятии – это отдельно важно для случаев хищения криптовалюты, и мы вернемся к этому вопросу далее [Постановление Пленума ВС РФ № 29, 2002]. Но снятие вопроса о принципиальной охраноспособности цифровых активов – только первый шаг. Оно ничего не говорит о том, по какой статье главы 21 УК РФ квалифицировать посягательство, если его предмет – не цифровая валюта, а цифровой финансовый актив с принципиально иной правовой природой.

Ключ к этому вопросу кроется в различной правовой природе цифровой валюты и цифровых финансовых активов, заложенной еще Федеральным законом от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ [Федеральный закон № 259-ФЗ, 2020]. Этот закон определяет цифровую валюту как совокупность электронных данных, которые можно принять в качестве средства платежа, но которые не составляют денежную единицу ни России, ни иностранного государства, ни международную расчетную единицу. С точки зрения статьи 128 ГК РФ она – «иное имущество», а не имущественное право. Цифровые финансовые активы устроены иначе: это цифровые права – денежные требования, возможность осуществлять права по эмиссионным ценным бумагам, право участия в капитале непубличного акционерного общества, право требовать передачи эмиссионных ценных бумаг. По юридической конструкции это не «иное имущество», а имущественное право в смысле статей 128 и 141.1 ГК РФ [Шейхмагомедов, 2025; Князьков, Пухов, 2025].

Это различие напрямую влияет на выбор статьи главы 21 УК РФ при квалификации. Хищение вещей и наличных денег статьями о краже, грабеже и разбое исторически связывали

с физическим изъятием предмета посягательства, посягательство же на имущественные права, напротив, традиционно признавали только применительно к мошенничеству, а также поскольку вверенное имущество может существовать и в форме права к присвоению и растрате: это следует из пунктов 1 и 5 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30 ноября 2017 г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» [Постановление Пленума ВС РФ № 48, 2017]. Отсюда и разница в квалификации. Цифровая валюта в статусе «иностр. имущества» в принципе может быть предметом хищения по широкому кругу статей – это и подтверждает разнотечная судебная практика, разобранный выше. Цифровой финансовый актив как чистое имущественное право реалистично похитить только обманом или злоупотреблением доверием, то есть по статье 159 УК РФ (а при вмешательстве в информационную систему по статье 159.6 УК РФ), либо, если он вверен виновному, по статье 160 УК РФ. Нормы о краже, грабеже и разбое к цифровым финансовым активам применить сложнее, так как их оборот устроен по-другому, централизованно. Регистрацию прав на цифровой финансовый актив и переход этих прав фиксирует оператор информационной системы, аккредитованный Банком России, а для приобретения актива нужна идентификация приобретателя. Поэтому простое завладение устройством, с которого был доступ к счету цифровых финансовых активов, само по себе не дает виновному прав на эти активы, необходимо еще ввести оператора информационной системы в заблуждение относительно личности обращающегося.

Отсюда наш вывод, если посягательство начинается с завладения физическим носителем – телефоном или иным устройством, с которого был доступ к счету цифрового финансового актива, а заканчивается переоформлением прав на актив в информационной системе оператора, квалифицировать его нужно по совокупности. Это статья о краже, грабеже или разбое (смотря как завладели устройством) и статья 159 УК РФ – за обман оператора информационной системы, который привел к неправомерному переходу прав [Шейхмагомедов, 2025; Князьков, Пухов, 2025]. Единый умысел на доступ именно к цифровому финансовому активу совокупности не исключает, виновный последовательно совершает два юридически самостоятельных деяния, которые посягают на разные объекты. Верно и обратное. Хищение цифровых финансовых активов нельзя квалифицировать по статьям о преступлениях с ценными бумагами (статьи 185, 186 УК РФ), хотя цифровые финансовые активы могут удостоверяют права по эмиссионным ценным бумагам, сами по себе ценными бумагами в смысле главы 7 ГК РФ они не являются [Шейхмагомедов, 2025; Князьков, Пухов, 2025].

Вернемся к обновленному постановлению № 29, оно перечисляет среди предметов хищения «цифровые права» и «цифровую валюту» через запятую, наряду с иным имуществом и ценными бумагами, но само по себе не воспроизводит описанное разграничение и не отвечает прямо на вопрос, можно ли квалифицировать хищение цифровых финансовых активов по статьям о краже, грабеже и разбое. Этот перечень стоит читать не как основание механически распространять любую из перечисленных статей на любой цифровой объект, а как подтверждение того, что все перечисленные категории в принципе охраняются уголовным законом, а выбор конкретной нормы, как и раньше, определяет объективная сторона деяния и юридическая природа предмета посягательства.

Помимо выбора базовой статьи о хищении, практика сталкивается с рядом сквозных проблем, и они не зависят от того, идет ли речь о цифровой валюте или о цифровом финансовом активе. Первая из них – соотношение хищения цифровых активов с преступлениями в сфере компьютерной информации. А.П. Перетолчин обоснованно указывает: хищение криптовалюты

путем взлома кошелька с использованием вредоносного программного обеспечения требует одновременного применения статьи 159.6 и статьи 272 УК РФ [Перетолчин, 2025]. Это утверждение, впрочем, нуждается в уточнении. Объективная сторона мошенничества в сфере компьютерной информации сама состоит во «вводе, удалении, блокировании, модификации компьютерной информации либо ином вмешательстве в функционирование средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации» – значит, дополнительно вменять тот же самый акт неправомерного доступа по статье 272 УК РФ означало бы дважды учитывать одни и те же обстоятельства. К.В. Ображиев справедливо связывает выбор квалификации прежде всего с объектом посягательства, собственностью, а воздействию на компьютерную информацию отводит роль лишь способа хищения [Ображиев, 2021]. Совокупность со статьями 272 или 273 УК РФ поэтому оправданна, только когда неправомерный доступ или создание вредоносной программы выходят за рамки необходимого для самого хищения, например, если вредоносное программное обеспечение создавали и распространяли раньше и независимо от конкретного эпизода хищения.

Уточнения требует и вопрос о соотношении хищения криптовалюты с ее последующей легализацией. Пленум Верховного Суда РФ установил: предметом преступлений по статьям 174 и 174.1 УК РФ могут выступать денежные средства, в которые были преобразованы полученные преступным путем виртуальные активы [Постановление Пленума ВС РФ № 32, 2015]. Значит, предметом легализации выступает не сама похищенная криптовалюта, а результат ее конвертации, с этим согласуется и позиция множества теоретиков, в частности С.М. Кочои [Кочои, 2021]. Но не всякая конвертация образует самостоятельный состав. Статья 174.1 УК РФ требует специальной цели – придать правомерный вид владению, пользованию и распоряжению похищенным имуществом, а простой обмен похищенной криптовалютой на фиатные деньги для личных нужд виновного такой цели, как правило, не преследует. Иначе обстоит дело с сервисами смешивания транзакций (миксерами), поскольку их единственное разумное назначение – запутать источник происхождения активов, поэтому их использование способно подтверждать умысел на легализацию и обосновывать совокупность хищения и статьи 174.1 УК РФ.

Третья проблема заключается в моменте окончания хищения при дистанционном изъятии цифровых активов. Обновленное постановление № 29 распространило на цифровую валюту правило, которое раньше выработали для безналичных денежных средств: хищение окончено с момента списания средств со счета или кошелька потерпевшего, поскольку уже тогда виновный получает возможность ими распорядиться [Постановление Пленума ВС РФ № 29, 2002]. Для хищения криптовалюты это значит, что дальнейшая судьба переведенных активов (конвертация, вывод через биржу, неудачная попытка обналичить) на квалификацию оконченного состава не влияет. Но это правило рассчитано на модель банковского перевода и не учитывает вероятностный характер подтверждения блокчейн-транзакций. Наступает ли изъятие в момент, когда транзакция попадает в сеть, или только когда она набирает нужное число подтверждений, постановление прямо не решает, на наш взгляд, этот вопрос требует отдельного разъяснения.

Наконец, острой остается проблема размера ущерба в условиях волатильного курса криптовалют. Официальной методики оценки цифровой валюты для целей уголовного судопроизводства в России нет, поэтому суды почти всегда опираются на заключение судебной экспертизы, а без него дело могут вернуть прокурору [Долгиева, 2023]. Единого подхода к самой методике оценки при этом не выработано. М.А. Филатова предлагает устанавливать

минимальную и максимальную стоимость криптовалюты за период хищения и брать за основу наименьшее значение – по аналогии с толкованием сомнений в пользу обвиняемого [Филатова, 2022]. Альтернативный подход определяет среднюю стоимость по котировкам нескольких крупнейших криптобирж, по аналогии с тем, как определяют рыночную стоимость недвижимости [Долгиева, 2023].

Заключение

Реформа 2026 года – дополнение примечания к статье 104.1 УК РФ и обновление постановления Пленума Верховного Суда РФ о краже, грабеже и разбое впервые за годы правового вакуума сняла принципиальный вопрос об охраноспособности цифровых активов уголовным законом. Тем самым исчезло и основание для решений вроде того, что в 2020 году принял Санкт-Петербургский городской суд, исключив криптовалюту из объема похищенного, но, как показало исследование, эти изменения решают проблему квалификации лишь в первом приближении.

Во-первых, постановление Пленума не воспроизводит выработанное в доктрине разграничение цифровой валюты как «иного имущества» и цифровых финансовых активов как имущественного права, а значит это разграничение сохраняет самостоятельное значение для практики. Применять к цифровым финансовым активам статьи о краже, грабеже и разбое, в отличие от цифровой валюты, необоснованно из-за их особой централизованной модели оборота. Во-вторых, за рамками состоявшегося регулирования остался ряд сквозных вопросов, например, соотношение хищения со смежными составами о неправомерном доступе к компьютерной информации и о легализации преступных доходов, момент окончания хищения применительно к вероятностной природе блокчейн-подтверждений, методика оценки ущерба в условиях волатильности курса. Эти вопросы требуют либо дальнейших разъяснений высшей судебной инстанции, либо прямого законодательного решения, в частности, официальной методики оценки цифровой валюты для целей уголовного судопроизводства.

Проведенная реформа, при всей ее значимости, только начинает формировать непротиворечивую практику квалификации хищений цифровых активов, а ее дальнейшее развитие должно учитывать разграничения, предложенные в этой статье.

Библиография

1. Апелляционное определение Санкт-Петербургского городского суда от 16.05.2022 по делу № 22-2616/2022.
2. Долгиева М.М. Цифровой ущерб от преступления: практические вопросы // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 487. С. 206–211.
3. Князьков А.А., Пухов А.А. Цифровые финансовые активы как предмет преступления: понятие, виды, особенности незаконного оборота // Аграрное и земельное право. 2025. № 3. С. 352–355.
4. Кочои С.М. Доктрина и правовые позиции, выработанные судами по делам о хищении чужого имущества // Lex Russica. 2021. № 6. С. 108–117.
5. Криптовалюты: тренды, риски, меры. Доклад для общественных консультаций // Центральный банк Российской Федерации. URL: https://cbr.ru/Content/Document/File/132241/Consultation_Paper_20012022.pdf
6. Ображиев К.В. Хищение цифровой валюты (криптовалюты): проблемы квалификации // Уголовный закон в эпоху искусственного интеллекта и цифровизации: сборник трудов по материалам Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Саратов, 9 июня 2021 года. Саратов: Саратовская государственная юридическая академия, 2021. С. 74–85.
7. Перетолчин А.П. Уголовная ответственность за преступления, совершаемые с использованием криптовалют // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2025. № 4 (115). С. 167–180.
8. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 15.05.2018 № 09АП-16416/2018 по делу № А40-

124668/2017.

9. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 07.07.2015 № 32 «О судебной практике по делам о легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, и о приобретении или сбыте имущества, заведомо добытого преступным путем» (в ред. постановления Пленума Верховного Суда РФ от 26.02.2019 № 1).
10. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2002 № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» (в ред. постановления Пленума Верховного Суда РФ от 16.06.2026).
11. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2018. № 1.
12. Приговор Кировского районного суда г. Казани от 25.04.2019 по делу № 1-37/2019.
13. Приговор Кировского районного суда г. Омска от 16.07.2020 по делу № 1-482/2020.
14. Приговор Ленинского районного суда г. Чебоксары от 07.03.2019 по делу № 1-58/2019.
15. Приговор Октябрьского районного суда г. Тамбова от 15.02.2019 по делу № 1-134/2019.
16. Приговор Петроградского районного суда г. Санкт-Петербурга от 30.06.2020 по делу № 1-95/2020; апелляционное определение Санкт-Петербургского городского суда от 23.11.2020 № 22-5295/2020.
17. Приговор Сургутского городского суда Ханты-Мансийского автономного округа – Югры от 13.11.2017 по делу № 1-762/2017.
18. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (в ред. Федерального закона от 20.02.2026 № 38-ФЗ). Примечание к ст. 104.1.
19. Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2020. № 31 (ч. I). Ст. 5018.
20. Филатова М.А. Проблемы установления размера и ущерба при квалификации посягательств на цифровую валюту // Уголовное право. 2022. № 1. С. 65–72.
21. Шейхмагомедов Д.Ш. Уголовно-правовая характеристика хищения цифровых финансовых активов и цифровой валюты // Закон и право. 2025. № 6. С. 274–282.
22. Cryptocurrency across the world // Triple-A. URL: <https://triple-a.io/crypto-ownership/>
23. Illicit crypto addresses received at least \$24.2 billion in 2023 – report // Reuters. 18.01.2024. URL: <https://www.reuters.com/technology/illicit-crypto-addresses-received-least-242-bln-2023-report-2024-01-18/>

Theft of Cryptocurrency and Digital Financial Assets: Qualification in the Light of New Explanations of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation

Georgii V. Tedeti

Bachelor, Master's Student,
Kutafin Moscow State Law University,
125993, 9, Sadovaya-Kudrinskaya str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: tedetigeorgy@gmail.com

Abstract

This article analyzes the problems of qualifying the theft of digital currency and digital financial assets in the light of the legislative changes and explanations of the highest judicial instance adopted in 2026. The article traces the evolution of law enforcement practice — from the first recognition of cryptocurrency as property in a 2018 bankruptcy case to the inclusion of digital currency in the composition of property for the purposes of Article 104.1 of the Criminal Code of the Russian Federation and the subsequent updating by the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of the resolution on theft, robbery, and assault. The material of the study consisted of the current versions of the criminal law and resolutions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation, published judicial practice in cases of cryptocurrency theft, as well as doctrinal

works on the criminal-legal protection of digital assets. Digital currency as "other property" is delineated from digital financial assets as a property right, which predetermines the choice of applicable norms of Chapter 21 of the Criminal Code of the Russian Federation. It is shown that an encroachment that begins with the taking possession of a physical carrier of access to a digital financial asset account and ends with the re-registration of rights in the operator's information system requires qualification by cumulation. Separately examined are the qualification of complex composite acts, the relationship of theft of digital assets with crimes in the sphere of computer information and with the legalization of criminal proceeds, the moment of completion of theft during remote seizure, and the determination of the amount of damage under conditions of cryptocurrency exchange rate volatility. It is concluded that the accomplished reform has removed the question of the protectability of digital assets by criminal law, but resolves the problem of their qualification only in a first approximation and requires further explanations of the highest judicial instance, as well as an official methodology for assessing digital currency for the purposes of criminal proceedings.

For citation

Tedeti G.V. (2026) Khishchenie kriptovalyuty i tsifrovyykh finansovykh aktivov: kvalifikatsiya v svete novykh raz'yasneniy Plenuma Verkhovnogo Suda RF [Theft of Cryptocurrency and Digital Financial Assets: Qualification in the Light of New Explanations of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (7A), pp. 541-550. DOI: 10.34670/AR.2026.49.61.056

Keywords

Digital currency, cryptocurrency, digital financial assets, theft, fraud, qualification of crimes, Article 104.1 of the Criminal Code of the Russian Federation.

References

1. Appellate Ruling of the St. Petersburg City Court dated May 16, 2022, in Case No. 22-2616/2022.
2. Dolgieva M.M. Digital Damage Resulting from a Crime: Practical Issues // *Bulletin of Tomsk State University*. 2023. No. 487. Pp. 206–211.
3. Knyazkov A.A., Pukhov A.A. Digital Financial Assets as the Subject Matter of a Crime: Concept, Types, and Characteristics of Illicit Trafficking // *Agrarian and Land Law*. 2025. No. 3. Pp. 352–355.
4. Kochoi S.M. Doctrine and Legal Positions Developed by Courts in Cases Involving the Misappropriation of Another's Property // *Lex Russica*. 2021. No. 6. Pp. 108–117.
5. Cryptocurrencies: Trends, Risks, and Measures. Report for Public Consultation // Central Bank of the Russian Federation. URL: https://cbr.ru/Content/Document/File/132241/Consultation_Paper_20012022.pdf
6. Obrazhiev K.V. Misappropriation of Digital Currency (Cryptocurrency): Issues of Legal Classification // *Criminal Law in the Era of Artificial Intelligence and Digitalization: Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference with International Participation*, Saratov, June 9, 2021. Saratov: Saratov State Law Academy, 2021. Pp. 74-85.
7. Peretolchin A.P. Criminal Liability for Crimes Committed Using Cryptocurrencies // *Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2025. No. 4 (115). Pp. 167–180.
8. Resolution of the Ninth Commercial Court of Appeal dated May 15, 2018, No. 09AP-16416/2018 in Case No. A40-124668/2017.
9. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated July 7, 2015, No. 32 "On Judicial Practice in Cases Concerning the Legalization (Laundering) of Money or Other Property Acquired by Criminal Means, and the Acquisition or Disposal of Property Known to Have Been Obtained by Criminal Means" (as amended by the Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated February 26, 2019, No. 1).
10. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated December 27, 2002, No. 29 "On Judicial Practice in Cases Concerning Theft, Open Theft, and Robbery" (as amended by the Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated June 16, 2026).

11. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated November 30, 2017, No. 48 "On Judicial Practice in Cases Concerning Fraud, Misappropriation, and Embezzlement" // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2018. No. 1.
12. Judgment of the Kirovsky District Court of Kazan dated April 25, 2019, in Case No. 1-37/2019.
13. Judgment of the Kirovsky District Court of Omsk dated July 16, 2020, in Case No. 1-482/2020. 14. Judgment of the Leninsky District Court of Cheboksary dated March 7, 2019, in Case No. 1-58/2019.
15. Judgment of the Oktyabrsky District Court of Tambov dated February 15, 2019, in Case No. 1-134/2019.
16. Judgment of the Petrogradsky District Court of St. Petersburg dated June 30, 2020, in Case No. 1-95/2020; Appellate Ruling of the St. Petersburg City Court dated November 23, 2020, No. 22-5295/2020.
17. Judgment of the Surgut City Court of the Khanty-Mansi Autonomous Okrug – Yugra dated November 13, 2017, in Case No. 1-762/2017.
18. Criminal Code of the Russian Federation No. 63-FZ dated June 13, 1996 (as amended by Federal Law No. 38-FZ dated February 20, 2026). Note to Article 104.1.
19. Federal Law No. 259-FZ dated July 31, 2020, "On Digital Financial Assets, Digital Currency, and Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation" // Collected Legislation of the Russian Federation. 2020. No. 31 (Part I). Art. 5018.
20. Filatova M.A. Problems of Determining Value and Damage When Classifying Offenses Involving Digital Currency // Criminal Law. 2022. No. 1. P. 65–72. 21. Sheikmagomedov D.Sh. Criminal Law Characteristics of the Theft of Digital Financial Assets and Digital Currency // Law and Right. 2025. No. 6. P. 274–282.
22. Cryptocurrency across the world // Triple-A. URL: <https://triple-a.io/crypto-ownership/>
23. Illicit crypto addresses received at least \$24.2 billion in 2023 – report // Reuters. 18.01.2024. URL: <https://www.reuters.com/technology/illicit-crypto-addresses-received-least-242-bln-2023-report-2024-01-18/>